

**НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ГОЛОВНЫХ УБОРОВ
В СТАРОБЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ 15—16 вв.
(На материале деловых памятников
Великого Княжества Литовского)**

Е. МАРЧЕНКО

Данная статья имеет целью рассмотреть лексику, связанную с наименованиями одежды и головных уборов в старобелорусском языке 15—16 вв. В качестве основного материала исследуются белорусские деловые письменные памятники, которые широко отражают особенности бытовой речи, близки к живой народной основе, изобилуют словами и выражениями конкретно-бытового характера. В них ярко обрисовываются все стороны и вся обстановка домашней жизни народа: хозяйство, жилище, одежда, пища и т.д. а также отражаются отношения разных сословий. В этих памятниках представлена полная картина древнего быта.

ОДЕЖА¹. Слово *одежа* фиксируется памятниками с 12 в. (Срезневский, 2, 612). В исследуемых памятниках это слово выступает с обобщенным значением: обозначает всякую одежду, верхнюю и нижнюю, «...так теж дей и тое жоны моее все платье, так белые хусты, простицы и иншую *одежу* все от мала и до велика побравши и ее до дому... выпроводили» АВАК, т. 31, 110. «...той Янъковской до живота и живность и *одежу* давать описано» АВАК, т. 20, 117. «...и *одежа* быти до выданья ихъ за мужи» ЛМ, т. 20, СД2, 1001. Слово *адзежа* употребляется и в современном белорусском языке (БРС, 54).

В современном русском языке слово *оде́жа* отмечается как разг., *одежда* — книжн. (Ушаков, 2, 757). Имеется слово *одежа* в украинском языке (УРС, 3, 90). Известно оно и в других славянских языках: болг. *одежда*, сербх. *одежда*, чешск. *oděv*, польск. *odzieża, odzienie*.

ПЛАТЬЕ. Слово *латие* — «одежда» — документируется 15 в. (Срезневский, 2, 955). В старобелорусских памятниках слово *латье* обозначает как верхнюю, так и нижнюю (платье белое) одежду. «... и *латья* съ нихъ поснямали, и сохи порубали» ЛМ, т. 20, СД1, 192. «И домъ тожь весь разграбилъ што было, и кови, и *латье* и статки вси домовые побраль» АЗР, т. 1, 92. «...*латя* белого было кошуль

¹ Орфография, принятая в использованных изданиях, в основном сохраняется. Упрощено написание следующих букв: Ѡ заменена буквой Ф, Ъ — Е.

женских кужельных пять...» АВАК, т. 31, 169. «...*платья белого* и сукенного, такъ тежъ и иншыхъ речей рухомыхъ не мало забравшы, нетъ ведома где утекли прочь» АВАК, т. 26, 168. В современном белорусском языке слово *платце* употребляется в значении верхней одежды (БРС, 695), в говорах оно известно и в значении «бельё» (Мат. для сл., 89; Стешкович, 65; Янковский, 147).

Верхнюю одежду обозначает слово *платье* в русском языке (Ожегов, 472); такое же значение этого слова и в украинском языке, *плаття* — «бельё» — отмечается как устар. (УРС, 3, 445). Знает слово *placie* в общем значении польский язык (Карлович, 4, 215).

АРМЯКЪ. Слово *армякъ* — «комнатная мужская одежда халатного покроя с завязками на вороту и на боковых прорехах у подола» — отмечается в памятниках 16 в. (Срезневский, 1, 27). В старобелорусских памятниках это слово встречается в различном написании, обозначает оно верхнюю мужскую одежду из сукна. «...*ермякъ* сукна чырвоного люньского з шнурами» АЗР, т. 36, 22. «...*кгермакъ* белый сукна Волоского, подшитый бакгазиею зъ шнурами шолковыми» АВАК, т. 8, 465. «И вложишь шлыкъ на себе бараний, а *ормякъ* сермяжный» АЗР, т. 3, 167. Сообщение об этой одежде находим у Горбачевского, который определяет *армяк* как «длиннопольный сюртук сибирского покроя; прежде его носили в высшем классе, после начал носить простой народ» (Горбачевский, 143). Слово *армяк* сохранилось и в современном белорусском языке (БРС, 98).

В современном русском языке *армяк* — «крестьянский кафтан из толстого сукна» — отмечается как устар. (Ожегов, 22). Известно слово *армяк* в украинском языке (УРС, 1, 17). Заимствовано оно из тюркск. яз. (Горяев, 6; Преображенский, 1, 8).

АНДАРАКЪ. В исследуемых памятниках это слово встретилось в ином написании. «*Индеракъ* адамашки чирвоное»; «*Индеракъ* бархановый, брушками лисими подшитый» Арх. сб., 4, 228, 230. Шейн², описывая одежду белорусских женщин, указывает, что *андарак* — это самотканная зимняя шерстяная юбка. В подобном значении приведено данное слово в словаре Носовича (стр. 6), в значении «самотканная юбка» употребляется слово *андарак* в белорусских говорах (Стешкович, 33), в значении «панёва» отмечается в Белорусско-русском словаре (стр. 88).

Слово *андарак* — «род панёвы» — в словаре Даля сопровождается пометой «зап.» (Даль, 1, 17). Отмечается это слово в смоленских говорах (Опыт, 2). Зафиксировано слово *андарак* — «род юбки из полосатой шерстяной материи» — в украинском языке (Гринченко, 1, 49). Имеется слово *inderak* — «юбка» — в польском языке. Возводят это слово к немецк. *Unterrock* — «нижнее платье» (Брюкнер, 192; Даль, 1, 17).

² П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 3, СПб., 1902, стр. 8.

БУРКА. У Срезневского и Кочина это слово отсутствует. В белорусских памятниках изучаемого периода слово *бурка* встречается довольно часто при перечислении одежды. «...шуба кунья, адамашкою чорною крыта, а чотыри *бурки*, шуба новая горностаинная» ЛМ, т. 20, СД2, 871. «...в той же скрыни взяли... коць белый новый до санокъ..., опончу, *бурку*, за которую дано грошей семдесят литовских» АВАК, т. 31, 252. Горбачевский так описывает эту одежду. Бурка — войлочный, косматый, непромокаемый плащ без рукавов. Плащи этого рода лучшими считались крымские и астраханские. Они нередко были богато убраны, с драгоценными застежками или крючками и с цветными дорогами подкладками (Горбачевский, 48). Для обозначения плаща (казакая бурка) имеется слово *бурка* и в современном белорусском языке (БРС, 135).

Слово *бурка* — «длинный плащ из валяного войлока и козьей шерсти» — употребляется в русском языке (Ожегов, 52), в таком же значении известно оно и в украинском языке (УРС, 1, 100). Отмечается указанное слово в западнославянских языках: чешск. *burka*, польск. *burka*. В чешском его рассматривают как заимствование из польского, в котором оно, очевидно, из восточнославянских языков (Брюкнер, 43; Махек, 51).

БЕКЕША. Данное слово встретилось в форме *бекешка*, обозначает оно верхнюю мужскую одежду на меху. «*Бекешка* ездецка сукна чорного Влоского, завыйками лисеми новыми подшитая» Арх. сб., т. 4, 50. В словаре Горбачевского (стр. 39) отмечается слово *бекеш* в значении «род шубы или длиннополый скюртук венгерского покроя». Имеется слово *бекеша* и в современном белорусском языке (БРС, 122).

Слово *бекеша* — «пальто в талию со сборками» — известно в русском языке (Ожегов, 34), есть слово *бекеша* — «крытая сукном овчинная шуба с талией» — в украинском языке (Гринченко, 1, 90). Зафиксировано это слово и в других славянских языках: польск. *bekiesza*, словацк. *bekeš*. Первоисточником является венг. *bekecs* (Преображенский, 1, 22; Махек, 29).

ДОЛОМАНЪ. Срезневский и Кочин не отмечают этого слова. В рассматриваемых памятниках оно обозначает верхнюю одежду. «...*доломанъ* зеленый суконный, а другой голубый» ЛМ, т. 20, СД1, 275. «...што шубу завыйковую лисью чорным сукном крыта, а третий *доломанъ* ножки ветхие вельми, сукномъ простымъ крыты» ЛМ, СД1, 514. В словарях белорусского языка данное слово не обнаружено.

В словаре Даля (1, 462) слово *долиман* — 1) «гусарская куртка», 2) «длинная верхняя одежда» — сопровождается пометой «устар.». В украинском языке *доломан* тоже существует как слово устар. (УРС, 1, 437). В других славянских языках оно также обозначает одежду: болг. *долама*, сербх. *дóлама*, чешск. *dolomán*, польск. *dolomán*. Данное слово считается заимствованием из тюркск. яз. (Микло-

шич, 47; Махек, 91). Корш³ указывает, что слово *долман* в русский язык пришло от мадьяр, но не прямо, а через посредство поляков.

ДЕЛИЯ. Срезневский отмечает слово *дыля* в значении «род одежды» без указания на то, какой была эта одежда (Срезневский, 1, 764). Примеры из рассматриваемых памятников помогают определить, что словом *делия* обозначалась верхняя одежда из сукна, которая могла быть подшита мехом. «...маётность взяла в томъ дому с клети, напервей *делию* мою фалюндышовую, лисы подшитую, черленую, жупанъ аксамитный...» АВАК, т. 26, 105. «Въ томъ же дей свирне шать въ скрыни великой... *делия* блекитна фалюндышовая съ петлицами шолковыми бакгазиею подшита, коштовала...» АВАК, т. 8, 465. «...при которомъ бою згинуло у него *делия* муравъского сукна...» АВАК, т. 26, 419. Сведения об этой одежде имеются у Горбачевского. Делия, делийка — «епанча, плащ с широкими рукавами и с широким воротником, носимый сперва турками; его подшивали рысьим или другим дорогим мехом» (Горбачевский, 90). Слово *делия* — «длинная медвежья или волчья шуба у галицкого мещанина» — засвидетельствовано в украинском языке (Гринченко, 1, 409). Известно *delja* — «плащ, епанча» — в польском языке. По Карловичу (1, 439), оно заимствовано из турецкого языка.

ЕПАНЧА. Слово *япончица* — «верхнее платье» — засвидетельствовано в «Слове о полку Игореве», *епанча* — «полость при саях» — датируется памятниками 16 в. (Срезневский, 1, 828; 3, 1659). В старобелорусских памятниках данное слово встречается в различном написании, значения его следующие. 1. Одежда. «...а взялъ из скрыни тое... две *опанчы* бурскихъ, а кошулю и зъ золотомъ...» ЛМ, т. 20, СД2, 741. «...с тлумока згинуло кошуль коленскихъ две... хустка коленская, *опанча* белая московская, шапка макгерка черная» АВАК, т. 26, 13. 2. Полость, попона. «...и панъ Венславъ коня моего съ седломъ и зъ *епанчою*, тесакъ золотый черленый велель ми поотдавати» ЛМ, т. 20, СД1, 199. «*опанча* од седла с коня згинула» АВАК, т. 36, 223. В современном белорусском языке слово *апанча* отмечается как истор. (БРС, 91).

В русском языке *епанча* — «старинный длинный и широкий плащ» — тоже сохранилось как истор. (Ушаков, 1, 834), историческим словом считается *опанча* и в украинском языке (УРС, 3, 127). В значении «плащ» известно оно и в других славянских языках: болг. *япанджак*, сербх. *јапунце*, польск. *оройсга*. Это слово заимствовано из тюркск. яз. (Преображенский, 1, 215; Миклошич, 100).

ЖУПАНЪ. Данное слово засвидетельствовано Срезневским (1, 884) в значении «князь или старшина у южных славян». В значении одежды оно не отмечается ни Срезневским, ни Кочиным. В исследуемых памятниках это слово обозначает верхнюю одежду из сукна. «...а

³ Ф. Е. Корш, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве, Известия 2 отд. И. А. Н., т. 8, кн. 4, 1903, стр. 44.

жупанъ ми дей увесь зеленый утерфиновый руками и зубами самъ Костюшко подраль и мене билъ» АВАК, т. 18, 64. «...выкрали... *жупанъ* сукна муравского серого» АВАК, т. 26, 485. «*Жупаники* 2 зъ кгузами тогожь сукна» Арх. сб., т. 4, 229. Слово *жупан* — «кафтан из цветного сукна» — имеется в словаре Носовича (стр. 158), отмечается оно и в БРС (268).

Указанное слово распространено в говорах русского языка. В рязанских, ярославских, вологодских и смоленских говорах слово *жупан* обозначает кафтан, зипун, сермягу (Даль, 1, 547; Опыт, 58). В современном русском языке оно считается истор. (Ушаков, 1, 879), историческим является слово *жупан* — «одежда» — и в современном украинском языке (УРС, 1, 505). Известно это слово в западнославянских языках: чешск. *župan* — «халат», польск. *żupan* — «род сюртука». Заимствовано оно из польск. яз., в котором восходит к итальянск. *giurpone* — «крестьянский пиджак», суффиксальному производному от *giurra* — «кофта»; итальянским яз. заимствовано из арабского (Преображенский, 1, 237; Шанский, 111).

ЗИПУНЪ. Срезневский (1, 980) отмечает данное слово в значении «узкая шелковая одежда вроде кафтана». В изучаемых памятниках оно тоже выступает в значении одежды. Одежда эта могла быть и из полотна. «В той коморе в схованью моемъ згнуло ему дей... *зипун* белый полотна коленского з баволною» АВАК, т. 21, 168. «Въ той коморе Богданъ Чешейко взялъ... ерчакъ съ костью, *зипун* камчатый, которые речи менилъ дей быти своими» АВАК, т. 21, 415.

Подробное описание этой одежды находим у Костомарова: «Это было платье, узкое и короткое. У людей простых зипуны делались из крашенины, зимние из сермяги; у людей состоятельных из легкой шелковой материи, напр., тафты, часто белого цвета, с пуговицами⁴. В словаре Даля (1, 683) слово *зипун* приведено в значении «крестьянский рабочий кафтан из домотканного сукна». В архангельских, пермских и ярославских говорах оно обозначает кафтан, халат, поддевку (Опыт, 70). Имеется слово *зубѹн* — «кафтан» — в сербх. яз. Это слово, как и слово *жупан*, восходит к итальянск. *giurpone* (Преображенский, 1, 252; Шанский, 120).

КАБАТЬ. Данное слово засвидетельствовано без указания значения в памятнике 15 в., в памятнике 17 в. (Платье царя Михаила Федоровича 1629 г.) оно отмечается в значении «царская одежда» (Срезневский, 1, 1170). В рассматриваемых памятниках словом *кабат* обозначается женская одежда. «...штожь дей она взяла въ мене *кабатикъ* оксамитный... и отдати того *кабатика* не хочеть» АВАК, т. 17, 357. «...*кобаты* два суконны голубыи» ЛМ, т. 20, СД1, 263. Слово *кабат* — «женский камзол без рукавов, который носят крестья-

⁴ Н. И. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в 16 и 17 ст., СПб., 1860, стр. 64.

янки в западном крае» — имеется в словаре Горбачевского (177), в значении «корсет простолодюнок, к которому пришивается юбка» приводится оно Носовичем (226). Слово *кабат* — «душегрейка», «корсетка» — отмечается в современном белорусском языке (БРС, 363).

Слово *кабат* употребляется в говорах русского языка. В архангельских и вологодских говорах оно обозначает широкую и длинную рабочую рубаху, надеваемую крестьянами сверх кафтана (Даль, 2, 70). Слово *кабат* — «куртка», «солдатский мундир» — зафиксировано в украинском языке (Гринченко, 1, 739). Известно оно и в других славянских языках: болг. *кавад* — «верхнее платье», сербх. *кавад* — «верхняя кофта», чешск. *kabat* — «сюртук», польск. *kabat* — «кафтан». Первоисточником является тур., перс. *gabā* — «кафтан». В славянские языки проникло различными путями (Махек, 185; Преображенский, 1, 279).

КОПЕНЯКЪ. Срезневский (1, 1204) отмечает слово *кѣбенякъ* — «одежда в ненастье». В исследуемых памятниках значение этого слова, очевидно, такое же. Встретилось оно в ином написании. «Въ той же дей коморе въ скринѣ згорело: *копенякъ* шарлатный зъ дробными петличками, а другой дуплею китайкою подшитый» АВАК, т. 18, 44. «...оборвали на немъ *копенякъ* фалюндышовый бурнатный» АВАК, т. 36, 367. «...взялъ *копенякъ* каразыевый зеленый» АВАК, т. 26, 483. В словаре Горбачевского (186) слово *копеняк* приведено в значении «плащ без рукавов для защиты от дождя».

Слово *кобеняк* известно в говорах русского языка. В курских, орловских и тульских говорах оно обозначает мешок, пришиваемый вместо воротника к верхней одежде, чтобы им покрывать голову во время ненастья (Опыт, 85). В украинском языке отмечено слово *келеняк* — 1) «одежда угорских украинцев горожан», 2) «верхняя суконная кофта» (Гринченко, 1, 771). Зафиксировано это слово в польском (*kopieniak* — «епанча без рукавов от дождя»), словацк. (*керей* — «плащ») языках. Указанное слово проникло из тюркск. яз. (Преображенский, 1, 325; Махек, 198).

КОЖУХЪ. Слово *кожухъ* — «шуба» — засвидетельствовано в «Слове о полку Игореве», «Ипатьевской летописи» 1252 г. и в др. памятниках (Срезневский, 1, 1246). Кочин (148) отмечает это слово в значении «верхняя меховая одежда». В старобелорусских памятниках оно тоже обозначает верхнюю меховую одежду. «Все знаютъся, ижь взяли шесть *кожуховъ* завыйковыхъ а два попеличих...» ЛМ, т. 20, СД1, 261. «А при томъ бою дей на тотъ часъ згнуло у него: *кожухъ* новый бараний доморобленный, сермяга...» АВАК, т. 26, 33. Слово *кожух* сохранилось в современном белорусском языке, оно употребляется в значении «тулуп» (БРС, 365).

В словаре Даля (2, 130) *кожух* — «опашень на меху» — отмечается как стар., *кожух* — «шуба», «тулуп» — приводится как зап., южн.; в значении «овчинный тулуп» известно это слово в смоленских говорах (Опыт, 86). В украинском языке слово *кожух* тоже обозна-

чает овчинный тулуп, реже — нагольную шубу (УРС, 2, 350). В таком же значении имеется оно и в других славянских языках: болг. *ко жу х*, сербх. *кò жу х*, чешск. *kožich*, польск. *kożuch*.

КАФТАНЪ. Слово *кафтанъ* — «верхняя одежда, стирающаяся почти до пят, с пуговицами и петлицами для застежки спереди» — документируется памятниками 15 в. (Срезневский, 1, 1200). Верхнюю одежду обозначает это слово и в изучаемых памятниках. «Въ томъ же дей свирне шать въ скрыни великой... *кафтаникъ* полотна колеского зъ баволною, покрытый скурою лосиновой, коштоваль дей грошей семьдесятъ» АВАК, т. 8, 465. «...а дьяку моему Андрейцу *кафтанъ* тафты зеленое а копа грошей» Арх. сб., т. 3, 14. «...а *кафтанъ* отласовый рябий...» ЛМ, т. 20, СДЗ, 1203. Слово *кафтан* отмечается и в современном белорусском языке (БРС, 386), в значении «кофточка» употребляется слово *каптан* в белорусских говорах (Шешкович, 52).

В русском языке слово *кафтан* известно в значении «русская старинная мужская долгополая верхняя одежда» (Ожегов, 237). Зафиксировано оно и в других славянских языках: болг. *кафтан*, сербх. *ка̀фтан*, чешск. *kaftan*, польск. *kaftan*. Заимствовано данное слово из тюркск. яз. (Горяев, 137; Преображенский, 1, 302).

КОШУЛЯ. Слово *кошуля* отмечается с 11 в., но значение не указывается (Срезневский, 1, 1306). Кочин (160) это слово засвидетельствовал в значении «рубашка». В значении «рубашка» выступает оно и в рассматриваемых памятниках. «...а у тых дей невест *кошули* женские тонкие льенные две» АВАК, т. 32, 109. «...*кошуть* мускихъ тонкого полотна двенадцать, жоноцкихъ *кошуть* осмь...» АВАК, т. 26, 97. В таком же значении приводится указанное слово в словаре Носовича (250), в значении «рубашка» употребляется слово *кашуля* и в современном белорусском языке (БРС, 387).

В различных значениях слово *кошуля* распространено в говорах русского языка. В смоленских и курских говорах оно обозначает рубашку; в костромских, ярославских и вологодских говорах это слово известно в значении «овчинная шуба» (Даль, 2, 183; Опыт, 92). В украинском языке слово *кошуля* — «рубашка» — считается обл. (УРС, 2, 388). В значении «рубашка» отмечается оно и в других славянских языках: болг. *кошуля*, сербх. *кòшуља*, чешск. *košile*, польск. *koszula*. Первоисточником является срлат. *casula*, но каким путем вошло в славянские языки, сказать трудно (Преображенский, 1, 374).

ЛЕТНИКЪ. Данное слово в значении «легкая женская одежда, надеваемая на рубашку под верхнее платье» засвидетельствовано в памятниках 16 в. (Срезневский, 2, 80). Женскую одежду обозначает оно и в изучаемых памятниках. «...*летникъ* китайчаныи темнозеленый, подшитый мухояромъ жолтымъ, з кшталтомъ аксамитнымъ чорнымъ, подолки и рукава брижованые...» АВАК, т. 26, 105. «И тежь жаловала *летникъ* одомашковый белый за семь копъ грошей...»

ЛМ, т. 20, СД1, 344. «...летникъ аксамиту серого, съ пугвицами...» ЛМ, т. 20, СД2, 371. В значении «летняя одежда» отмечается это слово в словаре Носовича (274).

Сведения об этой одежде имеются у Забелина⁵, который указывал, что от всех одежд летник отличался покроем рукавов. В длину рукава, начиная от плеча, равнялись длине всего платья, средняя их ширина была в половину длины. Шивались рукава до половины длины, нижняя часть оставалась несшитой. Нет сомнения, что по этой кройке и по особой ширине рукавов одежда и получила название летника, как одежды открытой в рукавах, прохладной, заключает Забелин. Слово *летник* в указанном значении в словаре Даля отмечается как стар., однако оно сохранилось в некоторых говорах для обозначения различной одежды, носимой летом (Даль, 2, 28; Добровольский, 338). В словаре Ушакова (2, 51) данное слово сопровождается пометой «истор.», историческим считается слово *літник* — «одежда» — и в украинском языке (УРС, 2, 453). Из других славянских языков зафиксировано *letnik* (устар., обл.) — «летняя женская одежда» — в польском языке.

ОХАБЕНЬ. Слово *охабень* — «верхняя длинная одежда с прорехами под рукавами и с четверугольным откидным воротником» — отмечается с 16 в. (Срезневский, 2, 836). В старобелорусских памятниках этим словом обозначается верхняя мужская одежда с большим количеством пуговиц. «И я послалъ тивуномъ Бутримомъ господарю его милости королю Жикгимонту... *охабень* китайки черчатое, а пугвицы на немъ двадцать и чотыри чистого серебра» ЛМ, т. 20, СД2, 741.

Указанное слово зафиксировано в говорах русского языка. В вологодских, ярославских и костромских говорах оно обозначает верхнюю крестьянскую одежду, большей частью сермяжный зипун (Даль, 2, 630); в псковских говорах: *охабень* — «сарафан с рукавами» (Опыт, 148). В словаре Ушакова (2, 1022) оно приведено как истор. слово, историческим считается слово *охабень* и в современном украинском языке (УРС, 3, 187). Преображенский производит его из *о-хаб-нь*, *хабить* — «хватать», *охабить* — «охватить»; следовательно, одежда, охватывающая со всех сторон (Преображенский, 1, 671).

ОДНОРЯДКА. Слово *однорядка* — «верхняя широкая одежда, длиною до пят, без воротника, с длинными суживающимися к запястью рукавами, под которыми сделаны прорехи» — документируется 15 в. (Срезневский, 2, 619). В исследуемых памятниках употребляются слова *однорядка* и *однорядокъ*, обозначают они верхнюю одежду с пуговицами. Судя по примерам, эта одежда могла быть как мужской, так и женской. «Ижь згинуло на тотъ часъ ему *однорядка* шарая порпянская и з шнурами» АВАК, т. 18, 69. «...*однорядка* женяя, сукна люньского чорного, которая коштвала копь две грошей литовскихъ» АВАК, т. 31, 198. «...украдено *одно-*

⁵ И. Забелин, Домашний быт русских цариц в 16—17 ст., М., 1872, стр. 635.

рядокъ сукна влоского, *однорядокъ* сукна ческого серый» АВАК, т. 18, 10. Отмечается *однорядок* — «платье вроде армяка» — в словаре Горбачевского (166).

Забелин⁶ так характеризует эту одежду: «Одежда эта была без подкладки, что и обозначалось ее именем однорядка, т. е. сшитая в один ряд скроенной ткани без подкладки. Надевалась она чаще всего в ненастную погоду, поэтому и убор ее был проще, чем у других одежд». Слово *однорядка* известно в говорах русского языка. В пермских говорах оно обозначает рабочий кафтан из черного сукна; в калужских говорах: *однорядка* — «женский кафтан особого покроя с пуговицами из зеленого сукна» (Даль, 2, 654; Опыт, 138). В современном русском языке данное слово отмечается как ист. (Ушаков, 2, 767), историческим словом считается *однорядка* в таком же значении и в украинском языке (УРС, 3, 98). В других славянских языках оно не обнаружено.

ПЛАЩЪ. Слово *плащ* — «верхняя одежда» — отмечается в памятниках с 13 в. (Срезневский, 2, 958). Верхнюю одежду обозначает оно и в изучаемых памятниках. В некоторых примерах указывается прямое назначение этой одежды — дождевой плащ. «...на столе у той же коморе... *плащъ* дождчовы черны и кабатъ замшовый...» АВАК, т. 20, 136. «...покрали летникъ черный мухояровый, *плашчыкъ* черный мухояровый, сибирками подшитый» АВАК, т. 18, 118. Слово *плащ* сохранилось и употребляется в современном белорусском языке в указанном значении (БРС, 695).

В таком же значении имеется слово *плащ* в русском и украинском языках. Есть это слово и в других славянских языках: сербх. *п л а ш т*, чешск. *plášť*, польск. *plaszcz*.

ПЛЮДРЫ. Данное слово встречается при перечислении одежды, обозначает оно, очевидно, брюки. «На столе у той же коморе... колпакъ бурнатого сукна, *плюдры* аксамитные черные, серветъ малыхъ двадцать пять» АВАК, т. 20, 136. «...скриня подь окномъ у коморе, у которой речы... *плюдръ* двое, зверцадло одно, мыла барского обрусось шесть» АВАК, т. 20, 136. В словаре Носовича это слово отмечается в двух значениях: 1) «брюки», 2) «лохмотье» (Носович, 420).

В словарях русского языка это слово не обнаружено. Отмечено слово *плюндри* — «желтые ирховые брюки у галицких мещан» — в украинском языке (Гринченко, 2, 202). В других славянских языках этим словом обозначается один из видов широких брюк: чешск. *pludry*, польск. *pludry*, словацк. *pulidery*. Проникло оно из немецк. *Pluderhose* — «шаровары» (Махек, 378).

СЕРМЯГА. Слово *сермяга* — «грубый суконный кафтан» — документируется 15 в. (Срезневский, 3, 340). В рассматриваемых памятниках этим словом обозначается мужская и женская верхняя одежда.

⁶ И. Забелин, Домашний быт русских царей в 16—17 ст., ч. 2, М., 1915, стр. 446.

«И они, перенемши на добровольной дорозе, безъ кажъного права тыхъ людей моихъ перебили и ограбили, отнели двое коней а три *сермяги*, а поясы съ колитами и пенезми зъ нихъ поснимали» ЛМ, т. 20, СД1, 36. «А с тое дей жоны тивунови зняли *сермягу* новую черную, которая кошовала 40 грошей» АВАК, т. 36, 44. Слово *сярмяга* отмечается и в современном белорусском языке (БРС, 911).

Слово *сермяга* употребляется в русском языке. В нижегородских говорах оно зафиксировано в значении «мордовский суконный кафтан» (Опыт, 202). Имеется слово *сермяга* — «грубое сукно, а также кафтан из него» — в словаре Ушакова (4, 161). В таком же значении известно *серм'яга* в украинском языке (УРС, 5, 293). Есть слово *siermięga* в польском языке. В других славянских языках оно не обнаружено. Происхождение этого слова не совсем ясно. Миклошич считает его чужим. По Далю, оно из мордовск. яз. (Преображенский, 2, 280).

САРАФАНЪ. Это слово документируется 14 в. в значении «длинный мужской кафтан особого покроя» (Срезневский, 3, 262). В исследуемых памятниках оно обозначает женскую одежду, встретилось данное слово в уменьшительной форме. «Евхиму Козорезу отъ работы и подшиванья метликовъ 5, и плаща 1, а *сарафаника* ее милости панне воеводянице, а его милость пана воеводица фаризьи подшитье, за то все чинить грошей 46 литовскихъ» Арх. сб., т. 4, 308. В отмеченном значении слово *сарафан* употребляется и в современном белорусском литературном языке (БРС, 840). В говорах Гродненской области слово *сарафан* известно в значении «длинная свитка» (Стешкович, 71).

Слово *сарафан* — «род женского платья» — имеется в русском (Ожегов, 643) и украинском (УРС, 5, 262) языках. В таком же значении отмечается *sarafań* в польском языке. Первоисточником считается перс. *serāpā* — «род длинной одежды» (Преображенский, 2, 252).

САЯНЪ. У Срезневского и Кочина данное слово отсутствует. Сообщение об этой одежде находим у Саввантова⁷, который характеризует саян как женскую одежду вроде высокой юбки с проймами или помочами. Женскую одежду обозначает это слово и в старобелорусских памятниках. Частое употребление его в деловых памятниках свидетельствует о том, что оно широко было распространено в старобелорусском языке. «А што се дей дотычетъ о *саянъ* сукна утерфину чорного небощицы матки моее... тотъ дей *саянъ* небощикъ отецъ мой мачосе моей отдалъ» АВАК, т. 26, 97. «...*саянъ* жоноцкий каразыевый з оксамитомъ за чотыры копы грошей справлений, другой *саянъ* люнский синий з спасаманиками за полтрети копы грошей справлений» АВАК, т. 31, 154. «...*саянъ* жоны своей, а дочки его сукна люнского» АВАК, т. 26, 97. *Саян* — «род одежды» — отмечено Гор-

⁷ П. Саввантов, Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенном, СПб., 1896, стр. 125.

бачевским (321). В значении одежды известно оно в современных белорусских говорах.

Отмеченное слово известно в русских говорах. В тверских и смоленских говорах: *саян* — «женский сарафан», в смоленских говорах обозначает также и суконную юбку у крестьян (Опыт, 198). В курских говорах: *саян* — «род сарафана, высокой юбки с помочами» (Даль, 4, 139). Имеется это слово в польском языке. Карлович (6, 7) связывает слово *sajan* — 1) «куртка», 2) «род праздничной одежды» — со словом *saja* — «тонкая и легкая материя».

СУКМАНЪ. В значении «суконный кафтан» отмечается у Срезневского (3, 614). В исследуемых памятниках этим словом обозначается как мужская, так и женская одежда. «...вышоль зъ лазни, ажъ есми *сукмана* и ботовъ своихъ не знашоль» АВАК, т. 17, 104. «...взяли с кубла... *сукманъ* муравъский чорный, купленный за грошей осмьдесятъ литовских..., *сукманъ* муравъский чорный женский, купленный за осмьдесятъ грошей литовъских» АВАК, т. 31, 253. Горбачевским (349) *сукман* определяется как краковская одежда.

Слово *сукман* употребляется в русском языке. Его отмечает в значении «суконный кафтан» Даль (4, 358), в значении «тонкий суконный кафтан» известно оно в псковских и тверских говорах (Опыт, 259). В украинском языке слово *сукман* тоже обозначает суконный кафтан (УРС, 5, 556). Имеется оно и в других славянских языках: болг. *сукман* — «домотканная юбка из грубой шерсти», польск. *sukman* — «сермяга». Преображенский это слово производит от *сукно* (Преображенский, 2, 415).

СУКНЯ. Срезневским и Кочиним данное слово не отмечается. У Саввантова (ук. соч., стр. 139) оно приведено в значении «верхняя одежда». В старобелорусских памятниках, очевидно, этим словом обозначалась как мужская, так и женская верхняя одежда. «...взялъ въ мене *сукню* колтришовую музскую» АВАК, т. 17, 230. «... ино есми позналъ на немъ *сукню* серую а шапку чорную брата моего» ЛМ, т. 20, СД1, 376. «*Сукня* кнежнина, бурнатного оксамиту, на золоте» ЛМ, т. 20, СД2, 600. В словаре Носовича (622) зафиксировано *сукня* — «платье из фабричной ткани, особенно мужское»; в современном белорусском языке слово *сукня* — «платье (женская одежда)» — считается разг. (БРС, 898).

В словаре Даля *сукня* — «платье» — отмечается как зап., южн.; в курских и воронежских говорах это слово обозначает цветной суконный сарафан (Даль, 4, 358; Опыт, 259). Употребляется слово *сукня* — «платье» — в украинском языке (УРС, 5, 557). Имеется оно и в других славянских языках: сербх. *сукња*, чешск. *sukně*, польск. *suknia*.

СУКОНКА, СУКОНЬКА — женское платье. «*Суконька* одамашки шарое, у костки оксамитомъ брамована» Арх. сб., т. 4, 228. «...просила мене, абыхъ ей *суконку* и иншии речи, што ку убиранью ихъ женскому водлугъ можности ее справиль...» АВАК, т. 17,

340. В белорусском языке 19 в. в значении «женское платье» употреблялось слово *сукенка* (Носович, 622). В современном белорусском языке *сукенка* также обозначает женское платье. Слово же *суконка* обозначает: 1) суконку, 2) суконную портянку (БРС, 898).

Слово *суконька* употребляется (редко) в значении сукенки, платьица в украинском языке (УРС, 5, 557).

СОРОЧКА. В письменных памятниках известно с 11 в.: Повесть вр. лет 1097 г., Лаврент. л. 1212 г. (Срезневский, 3, 467). *Сорочка, сорочица, срачица* — «рубашка» — засвидетельствованы Кочным (334).

В исследуемых памятниках *сорочка* обозначает мужскую и женскую рубашку. «*Сорочокъ* две кужольныхъ мужскихъ, а третая жоноцкая» АВАК, т. 17, 442. «...сермяги побралъ, только въ однихъ *сорочкахъ* нась отпушалъ» АВАК, т. 17, 28. «...выкрали... *сорочекъ* музскихъ полотна тонкого домовое работы пять» АВАК, т. 26, 485. Слово *сорочка* и слово *кошуля* употребляются в старобелорусских памятниках как синонимы. Слово *сарочка* сохранилось и имеется в современном белорусском языке (БРС, 840).

Слово *сорочка* — «рубашка» — известно в русском (Ожегов, 692) и украинском (УРС, 5, 414) языках. Фасмер, отметив это слово в восточнославянских языках, а также ст. болг. *с р а ч и ц а* (Супр. л.), словенск. *sračica*, приводит соответствия в балт.: лит. *šarkas*, лат. *svārks* (Фасмер, 2, 700). Имеется ряд предположений по поводу его происхождения (Преображенский, 2, 358).

ТЕГИЛЯЙ. Отмечается с 16 в. в значении «одежда вроде кафтана с короткими рукавами и с высоким стоячим воротником, подбитая хлопчатую бумагою и насквозь простеганная» (Срезневский, 3, 944). Очевидно, в таком же значении выступает это слово и в изучаемых памятниках. «...штожь дей брать твой князь узяль у мене шатерь и *тегиляй* камчатый...» ЛМ, т. 20, СД1, 378. «Въ скрине згорело... *тегиляй* дупли бурнатное, бакгазыею подшитый, жупань...» АВАК, т. 18, 44. В словарях белорусского языка данное слово не зафиксировано.

В словаре Даля (4, 454) *тягиляй* — «толстая стеганка, замест кбльчуги» — приводится как устар. слово. В значении «род верхней одежды» засвидетельствовано оно в украинском языке (Гринченко, 2, 811). В других славянских языках указанное слово не обнаружено.

ТОРЛОПЪ. Слово *торлопъ* — «верхняя женская одежда» — документируется 16 в. (Срезневский, 3, 982). Судя по примерам, это была меховая одежда. «...позычилъ въ него сто золотыхъ а *торлопъ* куний...» ЛМ, т. 20, СД1, 287. «*Торлопъ* куний, отласомъ черленымъ крыть, съ пуговицами» ЛМ, т. 20, СД2, 872. «...перекрали тыхъ купцовъ речи... а семи *торлопъ* бручатыхъ то белиныи...» АЛМ, 113. В словарях белорусского языка это слово не отмечается.

В словаре Даля слово *торлоп* — «шуба» — сопровождается по-

метой «стар.» (Даль, 4, 419). Зафиксировано слово *torlop* — «шуба» — в польском языке, в котором оно из русского яз. (Брюкнер, 574).

ЧУГА. Слово *чуга* — «узкий кафтан» — засвидетельствовано в памятниках 16 в. (Срезневский, 3, 1546). В исследуемых памятниках оно обозначает верхнюю одежду из сукна. Эта одежда могла быть на меху. «*Чуга* шара сукна муравского съ завойками лисьими подшита» АВАК, т. 8, 484. «...на томъ служебнику моем на Федоре знято *чуга* сукна люнского блакитного с петълицами барвяная» АВАК, т. 36, 81. «...вынесъ *чугу* сукна люнского, которая коштовала полътрети копы грошей литовскихъ...» АВАК, т. 26, 483. Горбачевский (82) отмечает слово *чуга* в значении «шуба на волчьем меху». В словаре Носовича (70) зафиксировано слово *чугай* — «верхняя одежда, мужская и женская».

Костомаров⁸ сообщает, что *чуга* — одежда, приспособленная к путешествию и верховой езде. Это был узкий кафтан с рукавами только по локоть и короче обыкновенных кафтанов. Чуги всегда застегивались пуговицами. Слово *чуга* — «долгий кафтан» — известно в курских говорах (Опыт, 259). Отмечено слово *чуга* — «род суконной шинели, украшенной шнурками, рукава защиты и употребляются вместо сумок, т. к. *чуга* носится в накидку» — в украинском языке (Гринченко, 2, 985). В других славянских языках имеются такие соответствия: болг. *чoxa* — «хорошее сукно», сербх. *чoxa* — «сукно», словацк. *čuha* — «вид кобата», польск. *czucha* — «род плаща». Восходит к турецк. *çuha* — «сукно» (Махек, 78; Славский, 1, 109).

ШАТА. Слово *шата* — «верхняя одежда» — отмечается с 15 в. (Срезневский, 3, 1583). Какой-то вид одежды обозначает оно и в старобелорусских памятниках. «*Шата* исподняя оксамиту черного рытого» Арх. сб., т. 4, 228. «...и маетности моее только три кони а три *шати*нки, одна пурпурьяну гвоздиковаго с кнафлями» АВАК, т. 21, 253. «...*шата* шталтомъ оксамитнымъ, рукава на косо» АВАК, т. 18, 155. Очень часто это слово выступает с обобщенным значением — «одежда вообще». «А *шатъ* на два годы имъ: по шубце белинной посполитой съ пухомъ и съ колнерьци, а по сукни новогонской» ЛМ, т. 20, СД1, 416. «...всим дочкам своимъ в золоте, серебре, в *шатахъ* едвабных и суконных, в платю белом, в грошах готовых выправу дали есмо...» АВАК, т. 32, 359. В словаре Носовича (707) данное слово приведено в значении «богатая одежда». В современном белорусском языке слово *шаты* (ед. ч. нет) отмечается в 2-х значениях: 1) «пышные одежды», 2) «сень» (БРС, 1022). Зафиксировано слово *шата* — «богатая одежда» — и в украинском языке (Гринченко, 2, 296). В словаре Даля слово *шата* — «верхняя одежда» — приводится как стар. (Даль, 4, 623). Махек, отметив это слово в некоторых славянских языках (чешск. *šat*, словацк. *šata*, польск. *szata*), указывает, сославшись на Фасмера, на заимствование его из герм. яз. (Махек, 495).

⁸ Н. И. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в 16 и 17 ст., СПб., 1860, стр. 66.

ШАРОВАРЫ. Данное слово встретилось в ином написании в изучаемых памятниках. «Ижъ дей въ той коморе въ схованью моему згнуло... *шаловары* ческого сукна, убрание замшу торонского» АВАК, т. 17, 415. Слово *шаравары* употребляется в современном белорусском языке в значении «широкие штаны» (БРС, 1020).

Слово *шаровары* — «широкие штаны» — известно в русском (Ожегов, 825) и украинском (Гринченко, 2, 995) языках. Имеется оно и в других славянских языках: болг. *шалвари*, сербх. *шълваре*, чешск. *šaraváry*, польск. *szarawary*. Заимствовано из тюркск. яз. (Преображенский, 2, 90; Махек, 494).

ШУБА. Слово *шуба* — « меховое верхнее платье » — документируется 14 в. (Срезневский, 3, 1598). Меховую одежду обозначает оно и в исследуемых памятниках. «*Шуба* соболя, оксамитом на золоте крыта, *шуба* кунья сукномъ люнским крыта» АЗР, т. 1, 165. «...*шубка* лисяя жоны его» АВАК, т. 26, 452. «У великой скрыне шаты: *шуба* кунья, *шуба* белинная, ежчая...» ЛМ, т. 20, СД2, 871. В таком же значении это слово употребляется и в современном белорусском языке (БРС, 1030).

Слово *шуба* — общеславянское: русск., укр. *шуба*; болг. *шуба*; сербх. (обл.) — *ш ъба*; чешск. *šuba*; польск. *szuba*. Славянские языки заимствовали его из ср.-в.-нем. *schûbe* — «длинная и широкая верхняя одежда», в свою очередь усвоенного через посредство итальянск. яз. из арабск. *jubba* (Шанский, 385; Махек, 517).

ЮПА. Слово *юпа* — «халат» (?) — документируется 16 в. — «цесарь лежить на кровати, а на немъ юпа сукно бурнатно теплая» (Срезневский, 3, 1628). Как видно из примера, указанное слово обозначало мужскую одежду. В рассматриваемых памятниках этим словом называлась и женская одежда. «...а у Сенка Дескевича взято кожухъ, сермяга, *юпу* жоноцкую» АВАК, т. 17, 440. «При томъ бою згнуло: *юпа* самодельки серой, грошей рубль» АВАК, т. 21, 304. *Юбка* (*юпка*) и сейчас употребляется в значении женской одежды в белорусских говорах: напр., в Витебской, Могилевской, Гомельской и Минской областях.

Данное слово распространено в говорах русского языка. В тверских говорах: *юпа* — «крестьянская шубная одежда, покрытая холстом» (Опыт, 272); в вятских и тульских говорах: *юбка* — «род безрукавой кофты» (Даль, 4, 666). В украинском языке слово *юпка* зафиксировано в значении «род полукафтаныя» (Гринченко, 2, 1041). Известно оно и в других славянских языках: чешск. *jurka*, польск. *jurka*. Слово *юбка* считается заимствованием из польск. яз., в котором оно из ср.-в.-нем. *jorre, jurre* — «куртка». Написание слова через *б* возникло по образцу *трубка, губка*. Первоисточником слова является арабск. *jubba* — «род одежды», из которого иными путями возникли также слова *жупан, зипун, шуба* (Славский, 1, 591; Шанский, 388).

НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

БЕРЕТЪ. Данное слово обозначает женский головной убор, встретилось оно в рассматриваемых памятниках несколько в ином написании. «*Биретковъ* два еи милости паней с пунтулями...» Арх. сб., т. 4, 228. «...в другой скрыне... форбота до *биретка* з матицы перловой» АВАК, т. 22, 155. «...у скрыни черной... *биретъ* черный с флоретами черными золотыми» АВАК, т. 22, 155. Слово *берэт* в современном белорусском языке также обозначает головной убор (БРС, 123).

В таком же значении употребляется слово *берет* в русском (Ожегов, 35) и украинском (УРС, 1, 57) языках. Известно оно в чешск. (*barét*) и польск. (*biret*) языках. Заимствовано из франц. *beret* (Махек, 25; Фасмер, 1, 78).

ВЕНОКЪ, ВЕНЕЦЪ. Эти слова в различных значениях отмечаются в «Остромировом евангелии», «Новгородской 1 лет.» 1194 г. и в др. памятниках (Срезневский, 1, 488). В исследуемых памятниках они выступают в значении головного убора. «С тою скрынею украдено... чепецъ золотый, чепецъ шолковый, *венокъ* шляговой, пряжи локоть» АВАК, т. 18, 10. «...понялъ въ мене дочку мою и побралъ за нею речей много: брамку перловую, *венокъ* съ перстени, а к тому шаты» ЛМ, т. 20, СД1, 209. «...*венец* перловый зъ шлягомъ, *венцовъ* перловыхъ старыхъ 3 зъ шлягомъ» Арх. сб., т. 4, 228. Описание этого девичьего нарядного головного убора имеется у Шейна: «...девушки носили венки, который представлялъ собою стенки маленького сита без стенки... Когда девушка являлась к венчанию, венок обильно украшался яркими лентами вокруг»⁹. О венке — девичьем головном уборе из древесной коры у белорусов — пишет и Забелин: «Девушки начинали носить такой венок лет с 10, но настоящий венок справлялся только один раз в жизни, по достижении брачного возраста»¹⁰. В современном белорусском языке, как в русском и украинском языках, слово *вянок* обозначает украшение в виде сплетенных в круг цветов, листьев.

Употребляется это слово в других славянских языках: болг. *венец*, сербх. *vénaц*, чешск. *vínek*, польск. *wianek*; имеет соответствия в балт. яз. (ср. лит. *vainikas*).

КАПТУРЪ. Слово *каптуръ* — «теплая шапка» — фиксируется в памятниках с 15 в. (Срезневский, 1, 1194). В изучаемых памятниках оно встретилось в таком контексте, который не позволяет установить точное значение этого слова. «А скрыню мою розбилъ безъ ключа, а взялъ изъ скрыни тое... две опанчы и одияло кафинское..., а *каптуръ* чернецкий, белками подложень» ЛМ, т. 20, СД2, 741. «И мы въ томъ Илью нашли правого, нежли за седло а за *каптуръ* простого сукна

⁹ П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 3, СПб., 1902, стр. 48.

¹⁰ Д. Зеленин, Женские головные уборы восточных (русских) славян, *Slavia časopis pro slovanskou filologii*, Ročník V, sešit 2, 1926, s. 309.

а за сакиру...» ЛМ, т. 20, СД1, 305. Слово *каптур* — «шапка с ушами» — имеется в словаре Носовича (245). Как головной убор замужних и вообще пожилых женщин характеризуется *коптур* в описании Шейна (ук. соч., стр. 49). Зеленин¹¹ также определяет *коптур* как женский головной убор в Белоруссии. Слово *каптур* — «капор» — отмечается в современном белорусском языке (БРС, 378).

В словаре Даля слово *каптурок* приводится в значении «кафтанчик», сопровождается пометой «зап.» (Даль, 2, 86). В украинском языке слово *каптур* известно в значении «капюшон» (УРС, 2, 309). В других славянских языках имеются такие соответствия: болг. (обл.) *капа* — «шапка», сербх. *ка̀па* — «головной убор», чешск. *kapit* — «колпак», польск. *kapit* — «капюшон». Первоисточником является лат. *sarra* — «род головного убора» (Преображенский, 1, 294; Миклошич 111). Бернекер также связывает это слово с лат. *sarra* и указывает, что в русском и белорусском языках оно из польского яз. (Бернекер, 1, 485).

КУЧМА. Данное слово в значении «шапка с меховым верхом» зафиксировано в 16 в. (Срезневский, 1, 1384). В таком же значении выступает оно и в старобелорусских памятниках. «Сорвали теж з него *кучму* подшитуу кунцами, которая коштовала пять злотых» АВАК, т. 36, 367. В значении «шапка» отмечено это слово Носовичем (262). Меховую шапку обозначает слово *кучма* и в современном белорусском языке, в переносном значении — копну (о волосах) (БРС, 410).

Слово *кучма* — «меховая шапка» — зафиксировано в словаре Даля (2, 229), известно *кучма* — «шапка» — в тверских говорах (Опыт, 99). Употребляется слово *кучма* — «шапка» — в украинском языке (УРС, 2, 423). Головной убор обозначает оно в словацк. (*kučma*), польск. (*kuczma*) языках. Заимствовано из венг. *kucsma* — «меховая шапка» (Бернекер, 1, 637; Махек, 244).

КОЛПАКЪ. Слово *колпакъ* — «высокая шапка» — документировано в 15 в. (Срезневский, 1, 1258). Очевидно, в исследуемых памятниках это слово тоже обозначает меховую шапку. «...*колпакъ* черлений фалюньдышовый, подшитый кунами» АВАК, т. 26, 455. «...у клети побрали... *колпак* лисий, сукъномъ фалендышомъ подшитъ» АВАК, т. 31, 253. «*Колпак* пилсяный, годный, собольими новыми подшитый» Арх. сб., т. 4, 50. Со временем данное слово приобретает другие значения, в том числе и переносные. В современном белорусском языке значения слова *каўпак* различны (БРС, 385).

Данное слово употребляется в русском языке. В донских говорах: *колпак* — «головной убор, который носят замужние женщины» (Опыт, 88); в архангельских говорах словом *колпак* обозначается головной убор, надеваемый невестой перед тем, как идти на другую половину дома (Подвысоцкий, 69); в олонечких говорах: *колпак* — «шапка» (Куликовский, 39). Имеется слово *ковпак* в украинском

¹¹ Д. Зеленин, Женские головные уборы восточных (русских) славян, *Slavia* časopis pro slovanskou filologii, Ročník V, sešit 3, 1927, s. 549.

языке (УРС, 2, 349). В значении головного убора известно это слово в других славянских языках: болг. *калпак*, сербх. *калпак*, польск. *kołpak*. Заимствовано оно из тюркск. яз. (Преображенский, 1, 338; Миклошич, 120).

МАГЕРКА. Слово это встретилось в ином написании, обозначает оно шапку. «...шапка *макгерка* макова, купленная за полъпета гроша» АВАК, т. 26, 163. «*Макгерка* черная з двема перы белыми жоравыми» АВАК, т. 36, 369. Сведения о шапке магерке имеются у Горбачевского: «*Магерка* — венгерская шапка. Ее делали из бархата или сукна и прикалывали к ней перо. Сперва (в пол. 17 ст.), она была щегольской шапкой, но после её стал носить и простой народ, но только не из бархата и сукна, а просто из войлока. В Белоруссии крестьяне и теперь её носят и называют мавгеркою» (Горбачевский, 203). Об этом головном уборе белорусов пишет и Шейн: «О маргелках — белорусских шляпах достаточно известно. Они преимущественно из белого войлока, конические без полей, и низкие, плоскодонные, с короткими, загнутыми вверх полями»¹². Слово *магерка* — «шапка, войлочная шляпа» — отмечается в БРС (429).

В словаре Даля *магерка* — «валеная белая шапка» — сопровождается пометой «зап.» (Даль, 2, 288). Известно *магерка* — «ермолка» — в смоленских говорах (Опыт, 109). Слово это заимствовано из польского яз. (*magierka* — «шапка»), где оно образовано от имени *magiar* — «мадьяр», «венгр» (Преображенский, 1, 590).

НАМЕТКА. Слово *наметка* выступает в следующих значениях. 1. Женский головной убор. «...зъ собою взяла... *наметъцовъ* женскихъ пять» АВАК, т. 26, 381. «...прочь вышла з двора, набравшы речи рухомыхъ: *наметъки* тры, черевики, сермягу» АВАК, т. 26, 470. «Взято съ клетки... *наметков* тонкихъ пять» АВАК, т. 17, 440. 2. Полотно, из которого делались платки. «За локоть *наметокъ* два грошы» ЛС, 1588 г., 472. В словаре Горбачевского *наметка* характеризуется как старинный простонародный женский головной убор, состоящий из длинной и узкой холстины, которой повязывали голову. И как холстина эта была всегда белая, то и женщин называли обыкновенно белыми головами (Горбачевский, 226). Как головной убор из белого коленика белорусских замужних женщин определяется *наметка* у Шейна (ук. соч., стр. 49). В таком же значении зафиксировано это слово у Носовича (311). Как головной женский убор из тонкого домашнего полотна известно слово *наметка* и сейчас в белорусском языке¹³, однако это слово находится в пассивном слое словарного состава. В говорах знают и слово *намёт* — «тонкое полотно с цветными полосками по бокам» (Мат. для сл., 75).

В различных значениях данное слово распространено в говорах русского языка. В ярославских и костромских говорах: *намётка* —

¹² П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. 3, СПб., 1902, стр. 44.

¹³ Хрестаматія па беларускай дыялекталогіі, Мінск, 1962, стар. 334.

«верхнее женское покрывало»; головной убор обозначает это слово и в смоленских говорах; в симбирских говорах: *намётка* — «рыболовная снасть» (Опыт, 123; Даль, 2, 439). В украинском языке слово *намітка* отмечается в 2-х значениях: 1) «головной убор замужних женщин», 2) «род ткани» (УРС, 2, 622). Имеется *namiotka, namietka* (обл.) в таком же значении в польском языке.

ПЛАХТА. Это слово также выступает в значении головного убора. «...а к тому речей рухомых... *плахтѣ* тонкихъ шесть, полотна кужелю локоть тридцать» АВАК, т. 31, 44. «...*плахта* с полотна простого велика, а другая малая» АВАК, т. 26, 455. В словаре Горбачевского (258) *плахта* определяется как холстина, намётка, головной убор литовских крестьянок. Отмечается *плахта* — «материал, предмет одежды» — в БРС (695).

В диалектах русского языка слово *плахта* известно в различных значениях. В тверских говорах: *плахта* — «головной платок»; в калужских говорах оно обозначает юбку, панёву (Даль, 3, 122; Опыт, 159). В украинском языке слово *плахта* зафиксировано в значении (неточно) «панёва» (УРС, 3, 445). Указанное слово имеет соответствия и в других славянских языках: сербх. *плѣхта* — «простыня», «скатерть»; чешск. *plachta* — «полог»; польск. *plachta* — «холстина», «парусина».

РАНТУХЪ. Словом *рантух* обозначается платок, а также материал, из которого делались платки. «Скрадена комора... и тамъ дей побраны речи вси... *рантуховѣ* тонкихъ въ поставе локоть осмь, а кроеных *рантуховѣ* кужельныхъ шесть» АВАК, т. 18, 65. «*Рантушек* з головы моее содрал и мене дей пхнул» АВАК, т. 36, 315. В значении «большой платок» отмечается *рантух* в словаре Горбачевского (295).

В словарях русского языка данное слово не обнаружено. В украинском языке слово *рантух* зафиксировано в 2-х значениях: 1) «головной убор замужних женщин», 2) «тонкая бумажная ткань» (УРС, 5, 17). Известно *rantuch* — «платок» — в польском яз., в котором оно из немецк. *Randtuch* (Брюкнер, 454).

ХУСТА, ХУСТКА. Слово *хуста* — «платок» — отмечается Срезневским (3, 1424) в памятнике западного происхождения — в «Жалованной грамоте кн. Александра-Витовта литовским евреям» 1388 г. В исследуемых памятниках указанные слова обозначают головной убор — платок, а также носовые платки. «...вси *хусты* полощенныя отъ мала до велика» АВАК, т. 26, 267. «И грошей десять отняли зъ *хусткою*, а ножъ урвали» АВАК, т. 17, 139. «*хустки* на утиранье...» АВАК, т. 26, 102. «...*хустка* коленская едвабемъ вышивана» АВАК, т. 26, 126. О *хустке* — будничном головном уборе — пишет Шейн (ук. соч., стр. 49). Употребляются слова *хуста* — «шалъ», *хустка* — «платок» — и в современном белорусском языке (БРС, 998).

Известно слово *хуста* в русских говорах. В курских и псковских говорах: *хуста* — «носовой платок»; в смоленских говорах оно обо-

значает платок или небольшое полотенце (Опыт, 251). Платок обозначает хустка в украинском языке. В таком же значении знают его: польск. *chusta*, словацк. *chusta*. В болг. *фуста* обозначает юбку. Ср. рум. *justă* — «нижняя юбка», алб. *juste* — «юбка» (Фасмер, 2, 279). Трудно сказать, каким путем оно пришло в восточносл. языки. Возможно, через посредство польского, как считал Карский¹⁴, но, может быть, прямо из румынского, как полагает Славский (1, 89).

ШЛЫКЪ. У Срезневского и Кочина это слово не фиксируется. В белорусских памятниках оно обозначает меховую шапку. «...и Миклашъ вставши почаль ему мовити, чому бы шлыкъ его разодраль и хотель зъ него его шапку за свою схватити» АВАК, т. 17, 223. «...у котормъ же бою зъгинуль ми поясъ съ калитою, а шапка зъ шлыккомъ белиннымъ» АВАК, т. 21, 85. «...а от своихъ дей купцовъ вси товары московские розказаль отбирать, то есть: сукна, кожухи всякие и бараньи шлыки» АЗР, т. 3, 165. В словаре Носовича (713) слово *шлык* отмечено в значении «войлочная остроконечная шапка вроде колпака».

Слово *шлык* известно в русском языке. В значении «шапка» приведено оно в словаре Даля (4, 640). В новгородских говорах: *шлык* — «повязка вокруг головы, подбитая чем-либо мягким, на которую надевается повойник». В рязанских и тамбовских говорах данное слово обозначает картуз (Опыт, 266). Слово *шлик* — «суконная круглая шапочка с загнутой меховой опушкой» — отмечается в украинском языке (Гринченко, 2, 1013). Слово *sztyk* в польском яз. считается заимствованием из восточнославянских языков (Брюкнер, 550).

ШАПКА. Слово *шапка* — «мужской головной убор» — документируется 14 в. (Срезневский, 3, 1581). В изучаемых памятниках этим словом обозначается мужской, а также и женский головной убор. «...шапку жонскую оксамиту черного...» АВАК, т. 26, 108. «И я съ него за тотъ кахель шапку сняль, а бити есмо его не биль» ЛМ, т. 20, СД1, 148. «...чѣпка жоноцкая аксамитна, подшитая кунами» АВАК, т. 26, 455. Слово *шапка* в таком же значении употребляется и в современном белорусском языке (БРС, 1020).

Слово *шапка* — общеславянское: русск., укр. *шапка*; болг. *шапка*; сербх. *шѣпка*; чешск. *šarka*; польск. *szarka*. Заимствовано оно (возможно, через посредство ср.-в.-нем.) из ст.-франц. *chape* — «шапка», которое восходит к лат. *sarra* — «род головного убора» (Махек, 66; Славский, 1, 112).

В исследуемых памятниках обнаружено большое количество самых разнообразных названий одежды и головных уборов. Основу словаря этих памятников составляют слова общеупотребительные, обозначающие жизненно важные понятия, слова, являющиеся принадлежностью старобелорусского языка 15—16 вв. Многие слова, связанные с наиме-

¹⁴ Е. Ф. Карский, Западнорусский сборник 15 в., СПб., 1897 г.

нованиями одежды и головных уборов, которые отмечены в рассматриваемых памятниках, известны во всех или в большинстве славянских языков: *доломан, епанча, кабат, козух, кафтан, кошуля, каптур, колпак, одежда, плащ, сукня, сукман, чуга, шаровары, шуба, шапка*. Некоторая часть слов является общей для восточных и западных славянских языков: *жупан, копеняк, саян, плюдры, магерка, рантух, шата* и др. Ряд слов характерен только восточнославянским языкам: *шлык, однорядка, тегилляй, сорочка* и др.

Следует отметить, что довольно сильное влияние на наименования одежды оказали восточные языки. Об этом свидетельствуют многие названия одежды — слова, которые по происхождению являются тюркскими, арабскими, персидскими: *армяк, епанча, жупан, зипун, кафтан, доломан, сарафан, чуга, копеняк, шуба, шаровары, юна*.

Иногда слова, восходящие к одному и тому же источнику, переходя из одного языка в другой, сильно изменяли значение и звуковую форму. Так, например, из одного первоисточника разными путями возникли слова *жупан, зипун, шуба, юна*.

Названия одежды и связанных с нею предметов, как правило, быстро меняются. Поэтому большое количество слов, отмеченных в старобелорусских памятниках 15—16 вв., вышло из употребления: *доломан, делия, епанча, копеняк, охабень, однорядка, торлоп, тегилляй* и др. Эта лексика представляет только исторический интерес. Однако в бытовой лексике, относящейся к наименованиям одежды и головных уборов, имеется и такая группа слов, которая уходит своими корнями в далекое прошлое языка, сохранилась в современном белорусском языке и является общенародным достоянием: *андарак, бурка, армяк, козух, кафтан, кошуля, платье, плащ, сарафан, сорочка, шаровары, шапка, хуста* и др.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Rusų kalbos katedra

[teikta
1964 m. kovo mėn.

Условные сокращения

АВАК	— Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1, СПб., 1846; т. 2, СПб., 1848; т. 3, СПб., 1848.
Арх. сб.	— Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.
АЛМ	— Акты Литовской Метрики, т. 1, вып. 1, 2, Варшава, 1896—1897.
ЛМ	— Литовская Метрика (книги судебных дел), «Русская историческая библиотека», т. 20, СПб., 1903.
ЛС, 1588 г.	— Литовский Статут 1588 г., Каунас, 1988.
БРС	— Белорусско-русский словарь, Госиздат иностранных и национальных словарей, М., 1962.

- Горяев — Н. В. Горяев, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896.
- Горбачевский — Н. Горбачевский, Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского, Вильна, 1874.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, тт. 1—2, Киев, 1909.
- Добровольский — В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914.
- Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4, Госиздат иностранных и национальных словарей, М., 1955.
- Кочин — Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.
- Куликовский — Г. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, СПб., 1898.
- Мат. для сл. — Матэрыялы для слоўніка, Мінск, 1960.
- Носович — И. И. Носович, Словарь белорусского наречия, СПб., 1870.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изд. 2-м отд. Имп. Акад. наук, СПб., 1852.
- Ожегов — С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1953.
- Преображенский — А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, тт. 1—2, М., 1953.
- Подвысоцкий — А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1885.
- РБС — Русско-белорусский словарь, Госиздат иностранных и национальных словарей, М., 1953.
- Срезневский — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, тт. 1—3, СПб., 1893—1903.
- Стешкович — Т. Ф. Сцяшковиц, Гаворкі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці Беларускай ССР, Гродна, 1959.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, тт. 1—4, М., 1935—1940.
- УРС — Украинско-русский словарь, тт. 1—5, Киев, 1953—1962.
- Шанский — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская, Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1961.
- Янковский — Ф. Янкоўскі, Дыялектны слоўнік, Мінск, 1959; 2, 1960.
- Бернекер — E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1924.
- Брюкнер — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1927.
- Карлович — Słownik języka polskiego, ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i Wł. Niedźwiedzkiego, тт. 1—8, Warszawa, 1900—33.
- Миклошич — F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.
- Махек — V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.
- Славский — F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, т. I, Kraków, 1952—1956.
- Фасмер — Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, Bd. 1—3, Heidelberg, 1953—1958.

ROBŲ IR GALVOS APDANGALŲ PAVADINIMAI BALTARUSIŲ KALBOJE XV—XVI AMŽIUOSE

(remiantis Didžiosios Lietuvos Kunigaikštystės tarnybiniais
raštų paminklais)

E. MARCENKO

Re z i u m ė

Tiriamuosiuose rašytiniuose paminkluose buvo aptikta nemaža žodžių, reiškiančių drabužių bei galvos apdangalų pavadinimus. Šių rašytinių paminklų žodyninį pagrindą sudaro žodžiai, vartoti bendroje šnekamojoje to meto baltarusių kalboje ir reiškiantys svarbias gyvenimiškas sąvokas; jie visi priklauso XV—XVI a. a. senosios baltarusių kalbos fondui. Daugelis žodžių, reiškiančių drabužių bei galvos apdangalų pavadinimus, aptikti minėtuose rašytiniuose paminkluose yra žinomi visoms arba bent daugumai slavų kalbų: долман, епанча, кабат, кожух, кафтан, кошуля, каптур, колпак, одежда, плащ, сукня, сукман, чуга, шаровары, шуба, шапка.

Dalis šių žodžių yra bendra Rytų ir Vakarų slavų kalboms: жупан, копеняк, саян, плюдры, магерка, рантух, шата ir kt. Kita dalis yra būdinga tik Rytų slavų kalboms: шлык, однорядка, тегиляй, сорочка ir kt.

Reikia pažymėti, kad gana didelę įtaką šių pavadinimų atsiradimui ir susidarymui turėjo Rytų kalbos. Tai patvirtina ir gausūs drabužių pavadinimai, atėję iš turkų, arabų arba persų kalbų: армяк, епанча, жупан, зипун, кафтан, долман, сарафан, чуга, копеняк, шуба, шаровары, юпа.

Kai kuriais atvejais žodžiai, kilę iš vieno ir to paties šaltinio, pereidami iš vienos kalbos į kitą, gerokai pakisdavo prasmės atžvilgiu ir įgaudavo kitą garsinį apipavidalinimą. Taip, pavyzdžiui, iš vieno ir to paties šaltinio, bet įvairiais keliais yra atsiradę baltarusių kalboje tokie žodžiai, kaip жупан, шуба, юпа.

Drabužių pavadinimai ir su jais susiję daiktai, kaip taisyklė, greitai keičiasi. Dėl to daugelis žodžių, užtinkamų XV—XVI a. a. senojoje baltarusių kalboje, ilgainiui tapo nebevartojami: долман, делия, епанча, копеняк, охабень, однорядка, торлон ir kt. Šis leksikos sluoksnis dabartiniu metu turi tik istorinę reikšmę. Tačiau buitinėje leksikoje, liečiančioje drabužių ir galvos apdangalų pavadinimus, yra tokia žodžių grupė, kuri, nors savo šaknimis yra gilioje praeityje, vis dėlto iššilaikė iki mūsų dienų dabartinėje baltarusių kalboje, tapdama tuo pačiu visos liaudies šnekamosios kalbos dalimi, pvz., tokie žodžiai kaip андарак, бурка, армяк, кожух, кафтан, кошуля, платье, плащ, сарафан, сорочка, шаровары, шапка, хуста ir kt.